

Крылатый караван закончил торговлю, и жизнь Лишань вернулась в привычный ритм.

Посреди ночи температура резко упала. Фэн Цянь проснулся от дрожи. Сюань некоторое время смотрел на зябнущего полузверя, затем превратился в тигра и спрятал его в мягкой шерсти под животом.

Утром Фэн Цянь открыл глаза и увидел рядом огромного величественного белого тигра. Он был буквально утоплен в пушистом мехе. Фэн Цянь уткнулся лицом в грудь Сюаня и глубоко вдохнул. Он почувствовал лёгкий запах свежей травы и особый аромат кошачьего меха, который про себя называл «человеческой кошачьей мятой».

Начинать так каждое утро — вот оно, счастье.

Но Фэн Цяню всё равно было мало.

Пока тигр лежал тихо и будто спал, он обвил его шею руками, подтянулся выше и поцеловал бело-розовый нос. Сюань не шелохнулся. Тогда Фэн Цянь решил окончательно обнаглеть: погладил длинные белые усы, взял огромную морду обеими ладонями и чмокнул тигра прямо в глаз, оставив на шерсти влажный след. Потом прицелился к круглому уху на макушке.

У тигриного племени уши позволялось трогать только самым близким. В детстве — родителям, во взрослом возрасте — партнёру. У Сюаня они были особенно чувствительными. Каждый раз, когда Фэн Цяню хотелось их потрогать, приходилось долго уговаривать, а потом соглашаться на целую пачку неравноправных условий.

Во время их первой встречи на Соляной ярмарке Фэн Цянь, обнимая тигра и всю его «домогаясь», как раз собирался схватиться за ухо — и чуть не был вспорот когтями. Давление, исходившее тогда от Сюаня, казалось страшнее короля зомби.

Фэн Цянь ещё раз посмотрел на неподвижного тигра и обрадовался.

Вот что значит вино. Он же говорил: первобытный человек, впервые в жизни попробовавший алкоголь, не может пить лучше него. Посмотрите — ночь проспал и до сих пор не проснулся, хотя Фэн Цянь уже столько с ним сделал.

Гордый тем, что протрезвел раньше, Фэн Цянь осторожно протянул руку к пушистому уху...

— А-а! Сюань!

Тигр внезапно поднялся.

Фэн Цянь уже почти добрался до цели, но хвост, всё это время обвивавший его талию,

мгновенно дёрнул назад.

— Больно! — Фэн Цянь схватился за несчастную поясницу. — Ты меня пополам перетянул!

В бодром белом тигре не было и следа сонливости. Янтарные глаза сузились хитро и довольно. Сюань возвышался над полузверем и смотрел на него сверху вниз, как кот на пойманную мышь.

Фэн Цянь сглотнул. Четыре мощные лапы стояли по обе стороны его тела, будто колонны. В звериной форме Сюань был словно небольшая гора — величественный, но при этом удивительно изящный.

Глубокие глаза напоминали древнее озеро: спокойные, тёмные, величавые. Наверное, тигры от природы рождались царями. Даже молодой Сюань уже обладал почти королевской осанкой — хотелось покориться ему без сопротивления.

Если бы только он не шурился сейчас с таким откровенно довольным выражением...

— Ты притворялся спящим. Значит, я не виноват.

Фэн Цянь отвернул лицо, уклоняясь от пристального взгляда.

Сюань лапой вернул его голову на место. На пушистой тигриной морде вполне читалась улыбка.

— После того как ты меня столько гладил и целовал, даже мёртвый проснулся бы.

— Если бы ты проснулся по-настоящему, я бы перестал тебя гладить и целовать, — тут же возразил Фэн Цянь.

Сюань лишь поднял бровь: именно поэтому он и притворялся.

Шершавый язык с колючими сосочками провёл по щеке Фэн Цяня. Сюань вернулся в человеческую форму. Фэн Цянь прикрыл глаза, расслабился, слегка приоткрыл губы и стал ждать продолжения поцелуя.

Тишина.

Полсекунды.

Ничего.

Фэн Цянь подозрительно открыл глаза. Этот тигр обычно был прожорлив. Почему сегодня то, что само поднесли ко рту, не ест? Вино всё ещё не выветрилось? Тогда больше ему наливать нельзя.

Неужели он действительно сварил какую-то палёную брагу?

Фэн Цянь резко сел — и удивился ещё сильнее. Встал он слишком легко. Если только прошлой ночью...

После выпивки воспоминания обрывались. Говорят, алкоголь развязывает руки и язык. А если напиток плохой — может, эффект обратный?

— Сюань...

Фэн Цянь схватил его за руку, уже всерьёз беспокоясь, не отравился ли тот.

Сюань засмеялся и щёлкнул его по лбу.

— Сегодня нельзя. Охотники идут далеко. Выйти нужно сразу на рассвете. Ты ещё поспи.

Фэн Цянь моргнул. А, вот оно что.

Но тревога не исчезла. Он продолжал держать Сюаня за запястье.

— После вина тебе точно нигде не плохо? Ты впервые пил. У некоторых бывает аллергия на алкоголь. Надо быть осторожным.

— Аллергия на алкоголь? — Сюань задумался. — «Алкоголь» — это вино? А что значит «аллергия»? Тоже особое слово кроличьего племени?

Фэн Цянь на секунду застыл, затем неловко улыбнулся и уклончиво кивнул.

— Люди разные. Кто-то боится холода, кто-то жары; одни любят кислое, другие сладкое. Бывает, человек не переносит определённую еду: съест — и телу становится плохо. Это и называется аллергией.

Сюань всё ещё смотрел на него слишком внимательно.

Фэн Цянь виновато потёр лицо и, одновременно натягивая одежду и обувь, поспешил сменить тему:

— Раз сегодня нужно выйти так рано, почему вчера не сказал? Я бы раньше встал и приготовил тебе еду. Если идти далеко, тем более нельзя уходить голодным.

— Давай разводи огонь. И достань два яйца гугу-зверя. Я быстро пожарю их со шкварками. Яйца готовятся быстро, на сбор не опоздаешь.

Фэн Цянь уже потянул Сюаня наружу, но тот вдруг обнял его со спины и крепко прижал к себе.

— Фэн Цянь... жди меня дома. Хорошо?

Тон был настолько странным, что у Фэн Цяня неприятно ёкнуло сердце.

Что за дела? Сюань всего лишь идёт на обычную охоту, занимается этим почти каждый день, а прощается так, будто отправляется на войну.

Неужели всё-таки отравился?

Фэн Цянь попытался повернуться и рассмотреть его, но Сюань держал крепко.

— Точно нигде ничего? Аллергия бывает разной: от тяжёлого дыхания до зуда или покраснения кожи. Сильная реакция вообще может убить. Нельзя терпеть.

Сюань потёрся носом и губами о его ухо и щёку, затем рассмеялся уже привычным голосом:

— Всё нормально. Просто не хочется расставаться с тобой с самого утра.

У Фэн Цяня потеплело внутри. Он повернулся и обнял Сюаня за шею.

— Тогда почему, когда я сам дал себя поцеловать, ты не стал?

Он привстал на носки и легко коснулся его губ.

— Остальное получишь вечером.

Потом тихо пробурчал:

— Пока ты стоял и обнимал меня, уже десять раз можно было поцеловаться. Всё, разводи огонь, быстрее.

Проводив Сюаня, Фэн Цянь не спеша пожарил себе с кумином мясо му-му-зверя, съел розовый банан, прибрал грот. До сбора оставалось время, поэтому он достал из-под циновки маленький мешок зерновика и сел у входа снимать оболочку.

После отъезда крылатых он использовал оставшийся воск на ещё несколько свечей и обменял их внутри племени на зерновик и земляные корни.

Оболочка зерновика была немного твёрже арахисовой скорлупы с Голубой звезды и легко раскалывалась маленьким деревянным молотком. После варки она размокала настолько, что жители Лишань просто очищали зерно пальцами уже готовым.

Фэн Цяню хотелось риса и хлеба, поэтому он решил попробовать снять шелуху заранее и приготовить что-нибудь другое.

Зерновик не был ни пшеницей, ни ячменём, ни рисом. Но раз относится к злакам, то хоть что-нибудь должно получиться: хлеб, лапша, лепёшки или каша.

По положению тени Фэн Цянь понял, что время подходило. Он снова спрятал зерно под циновку, взял мешок, закрыл дверь и пошёл в долину.

На гребне как раз прозвучал рог, собирающий отряд.

Собиратели уже почти прочесали все леса на территории Лишань, поэтому осенняя заготовка подходила к концу. Вместо двух выходов в день теперь делали один и возвращались до полудня. У Фэн Цяня наконец появилось время на собственные проекты.

Вернувшись в середине дня, он перекусил сушёным мясом и поставил воду у входа. Бросил туда несколько сушёных фруктов крылатых. Мякоть была тёмно-оранжевой, кисло-сладкой, похожей на сушёный абрикос или сливу. Если добавить корочки плодов рута и пару капель мёда, получался напиток ничуть не хуже сладкого фруктового чая с Голубой звезды.

После обеда Фэн Цянь собирался выкопать в гроте очаг. Над ним можно поставить раму и повесить котёл: одновременно отопление и кухня. Зимой всегда будет горячая вода.

За стеной снег, деревья белые, а внутри они с Сюанем сидят у огня. Глиняный котёл тихо булькает, поднимается пар, угли краснеют мягким янтарным светом...

От одного представления становилось уютно.

Когда чай закипел, Фэн Цянь закопал батат в угли и вернулся внутрь копать очаг.

Он сделал квадратную яму около двадцати сантиметров глубиной и сорока шириной, выровнял

стены, сверху обложил каменными плитами ещё на десять-двадцать сантиметров. Потом соорудил стойки из древесины и стеблей зерновика, а котёл повесил на толстой верёвке. Меняя длину верёвки, можно было регулировать расстояние от огня и силу нагрева.

В гроте имелся костяной инструмент, похожий на лопату, камней на заднем склоне было сколько угодно. Работа пошла легко. Когда очаг был готов, солнце ещё стояло высоко. Фэн Цянь принёс дров, разжёг огонь, налил себе фруктового чая и приготовился спокойно есть печёный батат.

Мечты были прекрасны. Реальность — не очень.

Не прошло и четверти часа, как Фэн Цянь, зажимая нос, вылетел из грота. Потом вбежал обратно с ведром и одним махом залил огонь.

В гроте не было вытяжки. Он чуть не задохнулся дымом!

Полдня работы — впустую. Мало того, ещё и ровный пол превратил в яму.

Фэн Цянь, весь в саже, уселся снаружи и мрачно грыз батат.

И именно в этот момент вернулся Сюань.

— Это... что случилось?

В руке он держал половину пятнистого зверя и явно не мог решить, чего в нём больше — беспокойства или желания рассмеяться.

Полузверь стоял целый, злой, с бататом в руках. Значит, серьёзной беды нет. Но почему всё лицо в саже? Неужели бататом измазался?

Фэн Цянь покосился на него.

— Только попробуй рассмеяться.

Сюань стиснул зубы, выпрямил лицо и покачал головой.

— Не смеюсь.